

Мясницкий Иван Ильич

Под веселую руку

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Под веселую руку / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 330 с.

ISBN 978-5-519-98449-2

ISBN 978-5-519-98449-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тывается масса ей подобныхъ Замоскворѣцкихъ дѣвицъ, т. е. до четырнадцати лѣтъ носила коротенькія платица, вышивала въ пяльцахъ, вязала разныхъ салфеточки, читала украдкой разную дребедень Никольской улицы и выучилась писать каракульки, которыя издали можно было принять за мѣста, насиженные мухами; пробовали се учить грамматикѣ съ ариеметикой, но изъ этого, несмотря на то, что учителей мѣняли чуть не каждую недѣлю, ничего не вышло; съ буквой „ять“ она была въ постоянной ссорѣ, потому что та всегда попадала не туда, куда слѣдуетъ, а въ ариеметикѣ, какъ дошла до дробей, такъ и остановилась, да и сама маменька учить эту „дробь“ не посовѣтовала: „что тебѣ, говоритъ, Паменька, въ солдаты идти, что-ли? Ты дѣвица, будетъ съ тебя и таблицы умноженія!“... Тягенькой съ маменькой она была всегда „очинно довольна“, „мужичиновъ стыдилась“, и вдругъ—пропала! Случилось это такъ: пообѣдала „самъ“ Подошвина съ дочкой въ частъ, поболтали о томъ, какъ-бы хорошо вышло, „ежели-бы теперича лѣто было, сичастъ-бы можно на Воробьевы проѣхаться и чаю въ саду напиться“, и затѣмъ разошлись... по перинамъ. Проснувшись часу въ пять томъ, Подошвина позвѣвала съ четверть часа и, справившись у одной изъ приживалокъ, готовъ-ли самоваръ, — вышла въ столовую. Заваривъ чаю и обругавъ горничную за то, что та вмѣсто клубничнаго варенья земляничное поставила, — велѣла

кликнуть дочь чай пить. Прошло четверть часа, и вмѣсто дочки — Пашенька явилась растерянная горничная и заявила, что „Прасковья Васильевна нѣту-съ... всѣ комнаты обшарила, а нѣту-съ... можетъ, уѣхамши куды...“ „Сама“ удивилась, обошла всѣ комнаты и комнатки, посылала на кухню, велѣла слазить на чердакъ — пропала Пашенька!.. Какъ и куды скрылась она, изъ прислуги никто не видалъ; видѣли всѣ, какъ она обѣдала, какъ „еще жареной телятинки“ попросила, какъ икнула два раза подъ конецъ обѣда, — все это видѣли и замѣтили, а что случилось дальше съ икнувшей „два разика“, — покрыто мракомъ неизвѣстности... „Сама“ еще бодрилась, утѣшая себя надеждой, что „не иголка, молъ, найдется гдѣ-нибудь“, но когда посланные гонцы ко всѣмъ родственникамъ и сосѣдямъ явились съ отвѣтомъ, что „не бывала“, — она принялась выть...

Въ данный моментъ Дарья Парамоновна сидѣла въ гостиной, окруженная сонмомъ женской прислуги, и терла платкомъ опухшіе отъ слезъ глаза.

— Матушка, Дарья Парамоновна, да не мучайте вы свою душеньку-то! — уговаривали ее разные темные и свѣтлые ситцы: — авось, Богъ дастъ, и отыщется... испейте водицы и успокойте вы себя, Бога ради!..

— Охъ, не могу! — мотала „сама“ головой: — не могу, милые мои, не могу! Какой я теперь отвѣтъ дамъ Василью Мер-

кулычу! „Одна, скажетъ, дочь у насъ была и ту ты не убе-ерегла-а-а“...

— Богъ не безъ милости, матушка! Сыщется! Можетъ, пошла прогуляться и вдругъ антиресный разговоръ съ дорожнымъ кавалеромъ... это часто, матушка, бываетъ: идешь по улицѣ одна и вдругъ тебѣ пѣкоторый человѣкъ свои услуги предложить!..

— Охъ, не таковская была моя Пашонька, ни на какихъ кавалеровъ она и вниманія не обращала... Дуня, сходила-бы ты въ конюшню: любила она „Рябчика“ сахаромъ кормить!..

— Ходили, матушка, десять разовъ ходили, даже въ ларь съ овсомъ заглядывала — нѣту...

— Господи!.. Ужъ не бросилась-ли она въ рѣку съ огорченія: авчирась просила она поросенка замарить, а я на телятину повернула...

— Ужли изъ-за поросенка душу губить станеть?.. Оставьте вы эти мысли грѣховныя! Найдется, матушка наша, найдется, успокойте вы себя-то ради Христа... можетъ, она нонѣшней модѣ подражать захотѣла, ну...

— Какой модѣ-то? Никакихъ я модѣ для ее не жалѣла...

— А такой, матушка, что возьметъ, да въ казармахъ и повѣнчается...

— Да съ кѣмъ, дура ты такая, съ кѣмъ?..

— Извѣстно, съ мущиной... свадьбу справятъ, а завтра-же къ вамъ съ визитомъ...

— Этого только недоставало!.. Да что я ей запрещала, что-ли, замужъ-то выходить?.. сама сколько разовъ предлагала, и все погодить просила.

— Для моды, матушка, для моды все это отводъ глазъ... отведутъ родителямъ глаза, и сейчасъ въ казармы...

— Тьфу!.. Да ты замѣтила за ей что, али такъ это мнѣ въ утѣшеніе? Не томи ты меня, Бога ради!..

— Ничего, матушка, какъ есть ничего не замѣчала... и грѣха брать на душу не хочу... очинно аккуратно себя Прасковья Васильевна вела... а, вотъ, за сусѣдскимъ хозяйскимъ сыномъ очинно хоропо замѣтила...

— Что? Что? Говори скорѣйча...

— Въ церкви завсегда на нашу Прасковью Васильевну глазищи пялилъ... выйдетъ и у своихъ воротъ остановится, покедова мы пройдемъ... мы идемъ, а онъ вздыхаетъ, мы идемъ, а онъ вздыхаетъ...

— Ну, вздыхаетъ, а Паша что?

— Ну, барышня извѣстно: „какой, говоришь, дуракъ!.. Чѣмъ-бы кулиментъ дѣвицѣ, а онъ сонитъ на весь переулочъ!..“

— Ну?

— Ну и... все-съ...

— Такъ, по твоему, выходитъ, что ежели молодой человѣкъ вздыхаетъ, такъ сейчасъ и въ казармы? Дура!

— Охъ, матушка, не говорите! Хитрыя дѣвицы понѣ пошли!.. Мнѣ-то они виду не показывали, а тамъ у ихъ, можетъ, давно было дѣло слажено...

— Да вѣдь не проходила она въ ворота-то, ты пойми... не на крыльяхъ-же она улетѣла...

— Матушка, не говорите!.. Сусѣдовъ сынъ хитрый человѣкъ... Знаетъ, что у насъ строго и ежели въ ворота уйти, сейчасъ подозрѣніе выйдетъ....

— Ну?

— Ну, и я такъ думаю, что взять онъ, да нашу барышню въ свой садъ черезъ заборъ и перетащитъ...

— А я такъ думаю, что ты дура и больше ничего!.. Скажетъ тоже: „черезъ заборъ!“... Да ежели-бъ она черезъ заборъ полѣзла, давно-бы онъ на землѣ лежалъ... Нѣтъ, что мнѣ теперь отъ Василія Меркулыча будетъ — не приведи, Господи!.. Да поищите вы ее, пошарьте хорошенько...

— Шарили, матушка, вотъ какъ шарили; я даже въ сѣнной снѣженкѣ кровать отодвигала: не завалилась-ли, молъ, какъ-ли на есъ со сна-то...

— И за кроватью нѣту?

— Нѣту, матушка, то-есть званія даже нѣту...

— Батюшки мои! Отцы родные! Умъ за разумъ заходить! Хушь-бы „самъ“ поскорѣйча домой пріѣзжалъ, авось-бы онъ нашарилъ ее...

— Негдѣ нашарить-то, матушка, всѣ норки мышиныя обыскали — и ничего не нашли... матушка! Дарья Парамоновна! Да не стѣздить-ли къ гадалкѣ, что намедни намъ на счетъ пропажи бѣлѣя гадала?

— Шофзжай! Авось, Богъ дастъ, и на путь насъ наставитъ... Гдѣ она живетъ-то?

— Въ Зарядѣ, Дарья Парамоновна!.. нашей Акулинѣ тоже какъ чудесно на счетъ мужа выложила: путаникъ, говоритъ, онъ у тебя...

— Далекѣ въ Зарядѣ-то... ты ужъ вели, Дуниша, лошадей Семену заложить, все скорѣй на своей-то съѣздишь... Батюшки, звонятъ!... Это „самъ“! Что только теперь будетъ!... Да бѣгите-же дверь-то отворять, идолы.

„Идолы“ нарахнулись, „сама“ отерла глаза платкомъ и пошла навстрѣчу мужу, который, отдуваясь и фукая, раздѣвался въ передней.

— Голубчикъ! Меркулычъ! Прости ты меня Христа ради!—повалилась „сама“ ему въ ноги,—не доглядѣла я, охъ, не доглядѣла!

— Пстой! Въ чемъ дѣло-то! — поднимать ее „самъ“.—ты прежде скажи, потомъ и вались.

— Несчастье у насъ въ домѣ, голубчикъ... Такая диковинная пропажа случилась, что я и ума не приложу.

— Да что пропало-то, пень дубовый? Шубу сволокли, что-ли?

— Хуже, голубчикъ мой, хуже...

— Тѣфу! Лопадь, что-ли, свели?...

— Охъ, хуже...

— Наладила: „хуже, да хуже!“ Да что хуже-то?

— Меркулычъ, голубчикъ! Вѣдь дочка у насъ пропала-а-а...

— Что ты опалѣла, что-ль?

— Истинный Богъ, пропала! Всѣ норки обшарили—нѣту-у-у... ко всѣмъ роднымъ спосылала и тамъ нѣту-у-у... страмъ-то, голубчикъ, какой, просто бѣда моей головошкѣ-ѣ-ѣ...

— Да не можетъ этого быть!.. Куды она могла пропасть?..

— Сбѣжала, Меркулычъ, изъ дому... Изъ дому, милый, сбѣжала-а... легла я аносля обѣда соснуть часокъ, а она и сбѣжала-а... въ одной только драповой кофточкѣ родителей покинула, калоши даже, и тѣ не налѣла...

— Постой! Дай разобраться хорошенько! Какъ-же это она въ такую погоду безъ калошъ? Чортъ знаетъ, что мелешь! Дворникъ-то куды-же смотрѣлъ?

— Не видалъ дворникъ-отъ, какъ она вышла, а, можетъ, и задарили его, дармоѣда безстыжаго... А и такъ думаю, что она черезъ сусѣдскій заборъ махнула-а-а...

— Ни шиша не понимаю!

— И понять-то, голубчикъ, довольно трудно! Мы-ли ее не любили, мы-ли ее не баловали?.. Замужъ ежели захотѣла — спросись, отказу не было-бы... а то на-ко что надумала: черезъ заборъ въ казармы родителей своихъ стра-ами-и-ить...

— Заборъ! Казармы!... Либо и пьянъ, либо ты...

— Безъ вина, голубчикъ, опьянѣешь... такое колѣно отмочила, что всѣ мысли перепутались... я сегодня только узнала, что сусѣдскому сыну она ндравилась...

— Ну?

— Ну, и вышло, что уволокъ онъ ее въ казармы для браку-у-у... Наказуй меня, голубчикъ, хорошенечко наказуй, штобъ впередъ за дѣвкой смотрѣла въ оба-а-а...

— Ф-фу-у! Вотъ такъ сюрпризъ!.. Не пойму я только, зачѣмъ сусѣдскому сыну ее черезъ заборъ и въ казармы... посва-тался-бы и такъ-бы, безъ всякихъ заборныхъ исторій, выдали...

— Мода такая нонче пошла, мила-аѣ, штобъ безъ согласія родителей въ казармахъ...

— Да какая мода-то, дура ты неповитая!.. Въ первой я объ такой модѣ слышу.

— И я въ первой, голубчикъ... и мода-то самая прокаженная, нако-ся: въ такую погоду и въ одной драповой кофточкѣ... Безпремѣнно Паленъка теперича безъ калошъ насморкъ схватить... опять-же въ ситцевомъ платьѣ вѣнчаніе... Го-осподи, до чего мы съ тобой дожили!.. Меркулычъ, хушь-бы ты въ полицію о пропажѣ заявилъ, можетъ поспособствуютъ нашему горюшку-у...

— Въ полицію еще завтрева поспѣемъ, ежели не лвится, по казармамъ, вотъ, надо разослать...

— Охъ, разослала!.. И къ гадалкѣ послала, и въ казармы... Племяннику такой наказъ дала, какъ ихъ игдѣ накроетъ, штобъ прямо изъ-подъ вѣнца за косы домой тащить... охъ! Допроси ты прислугу-то... безпремѣнно ихъ всѣхъ сусѣдовъ сынь подкупилъ...

— Стой! Совсѣмъ я съ тобой ошалѣть!..

Да сѣгодня и вѣнчать-то нельзя: въ авторникѣ не вѣнчаютъ!...

— Батюшки!... Меркулычъ! Утопилась она, голубчикъ мой, истинный Богъ, утопилась!...

— Ф-фу, часъ отъ часу не легче!... Да съ чего ей топить-то, оболдѣлая ты тунба?

— Изъ-за поросенка, голубчикъ! Охъ, изъ-за поросенка! Просила она поросенка зажарить, а я телятишу велѣла, ну и обидѣлась... Пашенька! Дочка моя ненаглядная! Вернись ты домой—цѣлой свиньи для тебя не пожалѣю!...

— Тьфу!... Пойдемъ лучше въ ея комнату... Которыя тонятся, завсегда записки оставляютъ...

— Охъ, не любила она писать, голубчикъ, прачкѣ бѣлье, и то съ большимъ принужденіемъ записывала!—говорила „сама“, переваливаясь за „самимъ“:—ну, вотъ, и столикъ ея—нѣту на немъ ничего...

— Погоди, въ комодѣ пороюся!—утѣшала ее „самъ“, отодвигая ящикъ, — все дребедень какая-то: ленточки да галстучки... Стой! Записка!...

— Батюшки!... Всѣ поджилки мои затряслись!

— То-то, вотъ, затряслись!... Глядѣть-бы за дѣвкой надо... погоди! Куды я очки свои...

— Да читай ты, Бога ради не томи мою душеньку...

— Дай очки-то... тьфу!.. Ну-ка: „конченъ, конченъ“! — сталъ читать „самъ“, развернувъ записку.

— Утопилась! Видимое дѣло — утопилась!..

— „Даль-ной пу-уть!—продолжалъ тотъ чтеніе:—ви-жу край ро-ди-ма-ай“!...

— Прямо въ омутъ головой! Батюшки, отцы мои!

— Да въ какой-омуть-то! Ду-ура!.. Просто глупая пѣсня и больше ничего!

— Пѣсня? Ухъ, отлегло!.. Да поширь ты хорошенечко, нѣтъ-ли еще игдѣ убійственнаго.

— Ни шиша, акромѣ тряпокъ!—заявилъ „самъ“, немилосердно перерывая все въ ящикахъ комода: — погоди! Еще записка!

— Умира-а-ю-ю...

— Постой, дай прочесть сперва: „о здравіи: Васи-лья, Дарьи, Параскевы“...

— Ухъ, отлегло!... Батюшки, что-жъ это такое! Хушь-бы какую ни на есть о себѣ вѣсточку оставила... Да допроси ты прислугу-то подлую-ю... да хорошенько допроси, со внушеніемъ...

— Ну, дѣла! Иди, сгоняй всѣхъ въ залу!

„Самъ“ опустилъ голову; „сама“ бросилась сгонять прислугу. Спустя четверть часа въ залѣ собралась вся дворня Подошвина. Впереди всѣхъ стоялъ кучеръ и доказывалъ всѣмъ развязно, что „хозяйскія дочки не по его части, потому онъ за лошадами ходитъ“... Дворникъ прятался за толстую кухарку и бормоталъ подъ носъ что-то на счетъ птицы, которая не „можетъ мимо его пролетѣть“...

„Самъ“ вышелъ угрюмый и обвелъ сухимъ взглядомъ дворню.